

ОТЗЫВ

**официального оппонента на диссертацию
БЕЛОВА СЕРГЕЯ ИГОРЕВИЧА
на тему «Трансформации политики памяти в отношении Второй
мировой войны в 2008 – 2018 гг.», представленную на соискание ученой
степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 –
Политические институты, процессы и технологии**

Актуальность темы представленного исследования в целом не вызывает вопросов.

Как было отмечено еще Э. Дюркгеймом, коллективная система представлений о прошлом является одной из главных основ выработки макросоциальной идентичности. И в то же время, как было справедливо отмечено Э. Хобсбаумом, сущность политики памяти во многом сводится к редактированию и актуализации коллективной истории ради достижения задач, напрямую привязанных к настоящему моменту. Можно лишь согласиться с мнением О.Ю. Малиновой, что политика памяти представляет собой один из составных элементов политического использования прошлого ради достижения целей, привязанных к настоящему и будущему.

Нельзя забыть и про то, что структура мемориальных мифов выстраивается на основе символов. Последние, в свою очередь, представляют собой форму кодирования смыслов, ценностей и привязанных к ним моделей восприятия и поведения. Мемориальный нарратив является средством легитимации политического режима и социально-экономического строя, полоролевых моделей поведения, партийных программ и электоральных традиций.

Важно учесть и то обстоятельство, что значительная часть событий, формирующих ядро коллективной памяти, обладают высоким личностным значением для последующих поколений за счет наличия эмоциональных связей между современниками соответствующей эпохи и их потомками. При

этом минимальная глубина подобных эмпатических связей даже в постиндустриальном обществе легко может достигать 2 – 3 поколений.

Роль событий Второй мировой войны в мемориальных режимах ее основных государств-участников можно охарактеризовать как исключительную в большинстве случаев, поскольку они либо выступают в роли первоосновы национального «мифа основания», либо иным образом отнесены к сфере сакрального прошлого в трагедийном либо триумфальном ключе. Обострению значимости этого вопроса способствовало поражение восточного блока в ходе «холодной войны». Смена политических режимов в бывших странах соцлагеря потребовала полной ревизии мемориальных режимов: последнее было обусловлено заинтересованностью элит в легитимации нового строя путем деконструкции позитивного образа прежних политических моделей. Однако этот процесс повлек за собой неизбежные «травмы идентичности». Попытки заместить систему позитивных представлений о войне новыми мемориальными моделями либо вызывали отторжение у общественности, либо провоцировали распространение политического экстремизма, в первую очередь – националистического и ультраправого толка. Все это способствовало возникновению мемориальных конфликтов как внутри общества, так и на международной арене. Достаточно вспомнить хотя бы о том, как реагирует украинская и белорусская общественность на героизацию Армии Крайовой властями Польши.

Наблюдается и рост числа и масштабов «войн памяти» на «коллективном Западе» и в государствах Восточной Азии. С одной стороны, их провоцируют косвенные попытки позиционирования государств-агрессоров в качестве жертв конфликта. Которые тесным образом связаны с ревизией национальных мемориальных режимов, сформированных вскоре после завершения конфликта в Японии и ФРГ. И любые заявления о том, что «спор историков» в 1980-х гг. и аналогичные ему процессы в Азии устранили соответствующие противоречия, можно рассматривать как проявление

необоснованного оптимизма. С другой стороны, мы наблюдаем изменение структуры населения развитых государств, в силу чего возникают конфликты между официальной моделью мемориального конформизма и памятью меньшинств. В частности, актуализируются сюжеты, связанные с «черными пятнами» в истории государств антигитлеровской коалиции. Например, в случае США встает вопрос об освещении истории лагерей для американцев японского происхождения и вклада испаноязычных в победу над странами «оси» как в рядах вооруженным сил, так и на трудовом фронте, в рамках программы «Брасерос». Одновременно возникают проблемы в связи с позиционированием Соединенных Штатов как однозначного антипода нацистской Германии, так как исторический образ США формируется с учетом практики сегрегации (вплоть до запрета смешанных браков), реализации евгенических программ и широкой популярности идей изоляционизма и национализма.

Свою роль играет также процесс отказа новых поколений от ценностей, традиционных для конкретных обществ. В частности, размывание абсолютной лояльности монархии и лично императору приводит к тому, что новые поколения японцев уже не могут рассматривать факт наличия приказа как обстоятельство, в любом случае извиняющее поведение солдат микадо.

Роль факультативных факторов в глобальной ревизии истории Второй мировой войны также играют культурная глобализация и заметное перераспределение объемов «мягкой силы» государств, выступавших в качестве основных участников этого конфликта.

Таким образом, актуальность и значимость заявленной темы не вызывает каких-либо сомнений.

Объект и предмет исследования описаны лаконично и емко. Формулировки цели и задач работы отличает высокий уровень релевантности предмету исследования.

Обоснование хронологических и географических рамок работы не вызывает возражений.

Теоретическая основа исследования сформирована за счет продуманного комбинирования хорошо известных политологам и социологам подходов с инновационными элементами, позаимствованными у исследователей, занимающихся изучением «больших данных».

В рамках модели эмпирического исследования методы традиционной социологии сочетаются с практиками, используемыми в порядке киберметрических изысканий.

Гипотеза исследования изложена системно и демонстрирует наличие у работы выраженного элемента новизны. Основные положения представленной работы отличают четкость формулировок, системность, проявляющаяся через наличие связей между тезисами, и высокая степень новизны. В то же время автор выстраивает их с учетом творческого наследия его предшественников, включая не только специалистов в области социальной памяти, но также профессиональных историков и экспертов в области политики идентичности, символической политики и политической мифологии.

Также необходимо отметить, что выносимые на защиту положения сформулированы с учетом лакун в степени научной разработанности темы и актуальных дискуссионных моментов в рамках теории и практики политики памяти.

Теоретическая значимость работы обосновывается уточнением и повышением конвенциональности понятийно-категориального аппарата, а также усовершенствованием объяснительных моделей за счет обобщения актуального практического опыта и коррекции представлений о системе мнемонической коммуникации.

Практическая значимость исследования заключается в наличие выработанных консенсусным образом рекомендаций для мнемонических акторов, построенных на основе опыта специалистов-практиков, и возможности использования результатов материалов диссертации в учебно-методических целях.

Структура работы вполне продумана и полностью соответствует его предмету, цели и задачам.

Личный вклад автора в решение основного исследовательского вопроса работы раскрыт в рамках публикации более чем 30 статей, в том числе – 23 материалов в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ, а также обсуждения результатов изысканий в рамках 20 научных конференций.

Изложенные в заключении выводы раскрывают основной вопрос исследования и напрямую связаны как с гипотезой, так и с положениями, вынесенными на защиту.

Представленная работа может быть оценена положительно. Однако, на наш взгляд, у нее имеются и определенные недостатки.

1. Теоретическая часть исследования выиграла бы от включения в нее концепций А. Варбурга и П. Коннертона, а также более глубокого освещения идей П. Нора.

2. Местами автор позволяет себе ценностно окрашенные оценки, что указывает на нарушение принципа объективизма.

3. Систему оценки эффективности мемориальных моделей России, Польши и Германии, на наш взгляд, можно было усовершенствовать, включив в нее такой элемент, как состояние кадровой базы и механизмы ее воспроизводства.

Указанные замечания, однако, не могут значимо отразиться на общей оценке исследования. Представленная работа выполнена на высоком научном уровне. Автор продемонстрировал владение исследовательскими навыками, адекватных ученой степени доктора наук. Результаты проведенных им изысканий были отражены в соответствующем количестве научных публикаций. Диссертация Белова Сергея Игоревича на тему «Трансформации политики памяти в отношении Второй мировой войны в 2008 – 2018 гг.», представленная на соискание ученой степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, представляет собой завершенное научное

исследование, соответствующее пп. 2, 6, 8, 10, 11 паспорта специальности 23.00.02 и удовлетворяющее требованиям пп. 9 – 11, п. 13 и 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842. Автор данного диссертационного исследования заслуживает присвоения ученой степени доктора политических наук по упомянутой специальности.

Отзыв направлен в диссертационный совет Д 002.015.05, функционирующий на базе федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт философии Российской академии наук» (г. Москва).

Официальный оппонент

доктор философских наук

(докторская диссертация по специальности 09.00.03 –

История философии),

профессор, профессор кафедры политологии и

международных отношений

Федерального государственного

бюджетного образовательного

учреждения высшего образования

«Астраханский государственный университет»

П.Л. Карабущенко/

Подпись заверяю
Ученый секретарь
Костикова В.А.
8 сентября 2021г.

8.09.2021